

Е.А. Андреева

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МОСКВЫ И ТВЕРИ НА СТРАНИЦАХ УСТЮЖСКОЙ ЛЕТОПИСИ: ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНЫЕ СОБЫТИЯ

Аннотация: В статье рассматривается, как в поздней русской летописи XVI в. интерпретировалось противостояние между Москвой и Тверью, развернувшееся в XIV в. Княжества боролись за право стать центром объединения русских земель. В данном противостоянии можно условно выделить четыре периода. Отбор материала и характеристика действий князей дают возможность говорить о «московском» взгляде на события. Во время составления Устюжской летописи Москва уже заняла лидирующие позиции, что не могло не отразиться в отборе фактов. Еще не был официально канонизирован главный оппонент московских князей — Михаил Ярославич Тверской. Потому в летописи он лишен положительных характеристик, которые могли бы послужить обоснованием его святости. В Устюжской летописи видно, как с каждым новым этапом тверские князья сходят с политической арены: трое казнены в Орде, последний лишается поддержки русских удельных князей, дискредитирует себя желанием добиться великого княжения любой ценой. Московские князья постепенно укрепляют свой авторитет. Особенно очевидно это в характеристике Ивана Калиты и Дмитрия Донского. Желание представить московских князей с лучшей стороны и умалить добродетели и достоинства тверских дает возможность говорить о том, что тема противостояния Москвы и Твери нашла свое отражение в летописи и была представлена односторонне.

Ключевые слова: Устюжская летопись, Москва, Тверь, противостояние, святой, князь.

Ekaterina A. Andreeva

CONFRONTATION BETWEEN MOSCOW AND TVER IN USTYUZHA CHRONICLE: AN ORIGINAL LOOK AT FAMOUS EVENTS

Abstract: The article examines how the confrontation between Moscow and Tver, which unfolded in the 14th century, was interpreted in the late Russian chronicle of the 16th century. The principalities fought for the right to become the center of unification of Russian lands. We can conditionally define four

periods in the confrontation. The selection of material and characterization of the princes' actions make it possible to talk about the Moscow view of events. During the compilation of the Ustyuzha Chronicle, Moscow had already taken a leading position, which was reflected in the selection of facts. The main opponent of the Moscow princes, Mikhail Yaroslavich Tverskoy, has not yet been officially canonized. Therefore, in the chronicle he is deprived of positive characteristics that could serve as a justification for his holiness. Ustyuzha chronicle shows how the Tver princes are leaving the political arena: three were executed in the Horde, the last one lost the support of other Russian princes, discredited himself with the desire to achieve the grand duchy in any way. The Moscow princes were gradually strengthening their authority. This is especially evident in the characterization of Ivan Kalita and Dmitry Donskoy. A desire to present the Moscow princes from the best side and reduce the virtues of Tver princes makes it possible to say that the theme of confrontation between Moscow and Tver was reflected in the chronicle and was presented from one side.

Keywords: Ustyuzha Chronicle, Moscow, Tver, confrontation, saint, prince.

Устюжская летопись — одна из поздних русских летописей, составленная в начале XVI в. на севере Руси. В ней нашли отражение как общерусские, так и местные события. Начальная часть Устюжской летописи не находит аналогий в других летописных сводах, что объясняется литературным творчеством составителей. Центральная же часть (о событиях 1186–1473 гг.) Устюжской летописи имеет сходство с Сокращенным летописным сводом, для обоих текстов, очевидно, источником был севернорусский (Кирилло-Белозерский) свод конца XV в.

Очевидно, что к XVI в. Москва заняла лидирующие позиции, стала центром русских земель, а потому интересно обратиться к материалу поздней летописи, чтобы увидеть, как описаны события XIV в., которые привели к возвеличиванию Москвы как центра, т. е. противостояние Москвы и Твери. Оно особенно остро проявилось в начале XIV в., во время правления московского князя Юрия Даниловича, а позже его брата Ивана Даниловича Калиты и его внука, Дмитрия Ивановича Донского — с одной стороны и Михаила Ярославича Тверского, его сына Александра Михайловича и внука Михаила Александровича — с другой. Особенно интересно проследить, какие именно события нашли отражение в Устюжской летописи (ведь, во-первых, Великий Устюг — весьма отдаленная от Москвы и Твери географическая точка,

а во-вторых, летопись поздняя, поэтому очевидно, что составителей больше будет интересовать результат, а не процесс борьбы князей) и как изображены московские и тверские князья (общеизвестен факт, что в трактовке рассматриваемых событий есть две противоположные точки зрения: московская — представленная в большинстве летописей и Степенной книге — и тверская — отраженная в тверском летописании и в пространной редакции «Жития Михаила Ярославича Тверского»).

Историю взаимоотношений князей в Устюжском летописании можно условно разделить на четыре этапа, в каждом из которых фигурирует тверской князь и его оппонент — князь московский:

- 1) противостояние Юрия Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского;
- 2) противостояние Юрия Даниловича Московского и Дмитрия Михайловича Грозные Очи;
- 3) противостояние Ивана Даниловича (Калиты) и Александра Михайловича Тверского;
- 4) противостояние Дмитрия Ивановича (Донского) и Михаила Александровича Тверского.

1. «Князь Юрья аз прогнал, и дочь твою уморил, и посла твоего убил, и выходов мне не давать»

Правильнее всего было бы начать отсчет данного противостояния со времени правления Ярослава Ярославича, первого тверского князя, отца более известного в истории Михаила Тверского, однако прямых оценок его деятельности и личности в Устюжской летописи нет. Летописная статья за 6772 (1264) г. (список Мациевича) краткая и мало информативная: «Седе на великом княжении в Володимере князь Ярослав Ярославич Тверьский» [4, с. 16]. Архангелогородский летописец предлагает точно такие же сведения, однако в Вологодской летописи Ярослав Ярославич назван Тверским князем и представлен в связи со своими предшественниками: «Ярослава Наугородского сын, Невскому брат» [4, с. 151]. Это не просто «степень» его родства и обозначение права на Владимирский престол, но и первое упоминание в летописи Тверского княжества. Имя Ярослава Ярославича появится в летописях еще один раз, и это будет сообщение о его смерти. Значимость его политической деятельности для составителей

окажется не столь велика, так как в сообщении о гибели князя будет упомянут его преемник, фигура которого будет особо значительной в противостоянии Москвы и Твери.

В Устюжской летописи отмечено время начала княжения или рождения Михаила Тверского, причем в списках есть существенные расхождения:

Список Мациевича	Архангелогородский летописец	Вологодская летопись
В лето 6773. Преставись в Володимере князь Ярослав Ярославичь, и княжи сын его князь Михаило Ярославичь [4, с. 16].	В лета 6775. Преставися князь Ярослав Ярославичь. Седе на великом княжении в Володимере сын его князь Михаило Ярославич [4, с. 56]	В лето 6779-го. Преставись великий князь Ярослав Ярославичь во Орде. Того же лета родися Ярославу сын Михайло [4, с. 151].

Верная дата смерти Ярослава Ярославича и рождения Михаила Тверского — 1271 г., таким образом, исторически точны сведения Вологодской летописи. В списке Мациевича и Архангелогородском летописце видны хронологические неточности. С чем это может быть связано? Действительно, имя князя Ярослава фигурирует в летописях в период с 1264 по 1271 гг. В Никоновской летописи читаем: «Въ лѣто 6772. Сяде по братѣ своемъ великомъ князи Александрѣ Ярославичѣ на великомъ княженіи въ Володимери братъ его, князь велики Ярославъ Ярославичъ Тферскіи, и бысть князь велики Володимерскый и Новгородцкій» [4, с. 144]. То есть именно в этой погодной статье князь впервые упоминается как князь Владимирский. Далее (до 1271 г.) Ярослав Ярославич будет периодически появляться на страницах летописей вместе со своими сыновьями, Святославом (его преемником) и Михаилом. Речь идет о втором сыне Ярослава и первом, названном Михаилом, который умер вскоре после смерти своего отца, а чуть позже родился Михаил Ярославич Тверской. Появление одинаковых имен княжичей (что было нетипично для древнерусского имянаречения [1, с. 232–237]) могло запутать создателей Устюжской летописи, а также заставило их сблизить разные по времени события (восшествие Ярослава на Владимирский престол, рождение сына Михаила и смерть Ярослава Ярославича отнюдь не во Владимире, а по дороге из Орды, где, очевидно, он был отравлен).

В списке Мациевича и Архангелогородском летописце акцент составителей сделан на престолонаследии (указано, кто кого сменил на Владимирском престоле), в Вологодской же летописи хронология и историческая достоверность соблюдены.

Следующей важной для анализа летописной статьей будет та, что сообщает о смерти Михаила Ярославича. Получается, что составителей Устюжской летописи не интересовали факты правления тверского князя Михаила и его оппонента Юрия Московского, их имена ни разу не появились на страницах до рассматриваемой летописной статьи, зато гибель тверского князя в Орде была осмыслена в очень оригинальном ключе. Те сведения, которые появляются в Устюжской летописи, не были отражены ни в одном раннем источнике.

Герои данной записи — Михаил Ярославич Тверской, Юрий Московский, хан Узбек, ордынский посол Кавгадый, а также сестра хана, Кончака, в крещении Агафья, неверно названная его дочерью. Ключевым событием, которое служит причиной последующих действий, становится битва тверского князя с объединенными московско-ордынскими силами, которыми руководят Юрий и Кавгадый, известная в истории как Бортеневская битва. В результате победы в тверском плену оказался Кавгадый, которого, как сказано в других летописных сводах и житии, Михаил Ярославич отпустил с миром. Еще одним неприятным для князя последствием стала смерть Кончаки (она неожиданно умерла в плену), а потому предполагали, что ее могли отравить. Очевидно, что отравление сестры хана не входило в планы тверского князя, который не собирался ссориться с Узбеком.

Уже первое предложение погодной статьи («Князь Юрье Данилович Московской женился у царя ж Ажбяка» [4, с. 17]) абсолютно очевидно делает московского князя главным героем повествования и показывает, что он занимает особое, привилегированное положение. Вообще же информация настолько краткая, обрывочная, мотивационные связи между предложениями часто отсутствуют, в результате создается неопределенность и недосказанность. Понять то, о чем идет речь, можно лишь опираясь на знание данного сюжета из других источников. Второе предложение вводит еще одного важного, но так и остающегося до конца безымянным (в списке Мациевича, а в Архангелогородском летописце названного по имени — «Ковадьем») героя, ханского посла, который отправляется на Русь; един-

ственное, что остается понятным: он приходит с Юрием Московским, значит, должен оказать ему помощь и поддержку в каком-то деле. О самом деле говорится уже в третьем предложении: «И поиде ко Твери и со княгинею на князя Михаила Ярославича» [4, с. 17]. Причина появления Московского князя с ханским послом у границ Тверского княжества снова никак не обоснована, еще больше вопросов вызывает тот факт, что княгиня делала на поле сражения (ее присутствие, очевидно, должно было подтвердить расположение хана Узбека к Юрию Даниловичу). Михаил Ярославич, бесспорно являющийся главным действующим лицом соответствующей погодной записи в других летописных сводах, лишен в Устюжских летописях титулатуры «великий» (как, собственно, и Юрий Московский) и появляется как действующий персонаж лишь в середине текста. Составитель характеризует его исключительно через совершаемые им поступки, которые перечисляет: «Юриву силу побил, а посла убил и княгиню зельем опоил» [4, с. 17]. Все глаголы несут в себе соответствующую оценку: все действия героя представлены как жестокие и несправедливые — «побил», «убил», «опоил», а последнее так и вовсе заключает в себе изначально злой умысел — посягательство на жизнь близкого хану человека.

Среди указанных последствий битвы только одно является исторически точным: Михаил Ярославич действительно одержал победу, а Юрий, как будет сказано далее, «в Орду утекл». История гибели в плену татарского посла — вымысел, так как именно Кавгадый будет активным участником дальнейших событий и сыграет важную роль в судьбе тверского князя. Факт об умышленном убийстве Кончаки в плену не подтверждается ни в «московской», ни в «тверской» версии событий. Так, в Никоновской летописи дается такое рассуждение: «А Юрьева княгини, сестра Азбьяка, царя Ординскаго, во Твери умре; иніи же глаголють яко тамо во Твери зельемъ уморена бысть Кончака великая княгини Юрьева, сестра царева, нареченная во святѣмъ крещеніи Агафіа...» [5, с. 181]. Отравление Кончаки-Агафьи предлагается лишь как одна из версий со ссылкой на неизвестный источник. В Тверской летописи и Рогожском летописце княгиня упоминается лишь однажды, речь идет о ее пленении, но о смерти известий никаких не появляется. В Устюжском летописании умышленное отравление Кончаки-Агафьи представлено как доказанный факт.

Интересной отличительной особенностью Архангелогородского летописца (в сравнении со списком Мациевича) является явная путаница в именах героев. Так, именно здесь появляется имя посла — Кавгадый, по имени названа и жена Юрия Даниловича — Кончака. Но далее имя княгини начинает путаться с именем посла (возможно, в их звучании есть что-то общее): «и поиде ратью ко Тфери и со княгинею и Кончаком» (имя употреблено как мужское, И.п. — Кончак), «и посла убил, и Кончака зельем опоил» [4, с. 57] (имя снова употреблено в мужском варианте, однако о после было сказано ранее, а история с зельем могла касаться только княгини Кончаки-Агафы).

То, о чем будет рассказано в тексте Устюжской летописи (список Мациевича) далее, не имеет аналогий в древнерусском и позднем летописании: сначала сообщается о том, что Михаил Тверской добровольно и по собственному желанию («сам») отправляется в Орду, где оказался фактически на суде: «ста пред царем Азбяком» [4, с. 17]. Диалог происходит между самим ханом Узбеком и тверским князем (хотя по другим источникам судьей и обвинителем был Кавгадый), в котором хан задает прямой вопрос, на который не получает ответа. Хан Узбек интересуется: «Про что еси у зятя моего силу побил, и посла моего и дщерь мою уморил, и выходов не даешь?» [4, с. 17], — т. е. спрашивает князя о мотивах (для чего он это сделал), не сомневаясь в том, что русский князь совершил все перечисленные злодеяния. Поведение и речь Михаила Тверского вызывают множество вопросов: он не дает конкретного прямого ответа, а лишь соглашается со всеми тремя пунктами обвинения, более того, он не старается оправдаться или объяснить, т. е. его вина очевидна: «Князь Юрья аз прогнал, и дщерь твою уморил, и посла твоего убил, и выходов мне не давать» [4, с. 17]. Что касается двух первых пунктов обвинения — битвы с Юрием и гибели посла и Кончаки, то текст погодной записи подтверждает их правоту. Однако в речи Узбека появляется еще один пункт обвинения — неуплата дани.

Автор написанного в XIV в. жития Михаила Тверского среди обвинений указывал неуплату дани (на первом месте и упоминалось дважды), пленение посла и смерть Кончаки. То есть обвинения остались фактически теми же, с той разницей, что неуплата дани — важное обвинение, подтверждающее неподчинение хану, что должно было

караться. В представляющей «московскую» точку зрения на события поздней Никоновской летописи количество обвинений увеличивается. Устами Кавгадыя тверской князь обвиняется в следующем: «гордь еси и непокоривъ царю нашему, и посла царева Кавгадыя соромотилъ еси, и съ нимъ бился еси, и Татаръ его побил еси, и дани царевы имал еси себѣ, а царю еси не давалъ, и въ Немцы с казною бѣжати хотѣлъ еси, и казну въ Римъ к папѣ отпустилъ еси, и княгиню Юрьеву зеліемъ уморилъ еси, и князей и Татаръ царевыхъ побилъ еси» [5, с. 183]. Несмотря на абсурдные и ничем не обоснованные обвинения в желании бежать на Запад и отправить казну папе Римскому, именно непокорность хану — главное обвинение, из которого вытекают все остальные, подчеркивающие это неповиновение. В Устюжской же летописи именно битва с Юрием Московским, в итоге получившим ярлык на великое княжение и выигравшим в споре с тверским князем, становится первоочередным аргументом в обвинительной речи. Очевидно, что составители севернорусской летописи намеренно стараются очернить противника московского князя.

Во всех источниках, передающих историю жизни и гибели Михаила Тверского, князь отказывался от обвинений, и лишь на страницах Устюжской летописи он не просто соглашается, но и повторяет каждое из обвинений как совершенное в реальности действие.

Завершением истории Михаила Тверского является сообщение о его гибели. В Устюжской летописи и ранее упоминалось о гибели русских князей в Орде как о совершившемся факте, без пояснений и подробностей, например: «Убиен бысть в Орде князь Михаило Чернеговской и боярин его Феодор за веру христианскую от безбожнаго Батья царя»; «Князь великий Ярослав Всеволодовичъ поиде второе в Орду к Батю и преставись в Орде нужною смертию» [4, с. 16]. При этом о самом первом громком убийстве Василька Константиновича Ростовского или о самом страшном (по его способу) убийстве Романа Ольговича Рязанского в Устюжской летописи сведений нет. О гибели Михаила Тверского рассказывается более подробно, а не этикетно (как в случае с Михаилом Черниговским и Ярославом Всеволодовичем). Смерть тверского князя описана так: «И повеле царь убить и мнози тотарове ножи его избодоша» [4, с. 17] (в Архангелогородском летописце — более подробно: «И повеле царь убити, и мнози татарове ножи его изрезаша, и умре на ножех» [4, с. 57]). Основной конфликт

находится в плоскости: хан (царь) — русский князь (его подданный). Приказ хана вытекает, по словам летописи, из обвинения, с которым Михаил Тверской полностью согласен (это подтверждается текстом летописи). А потому именно татары приводят приговор в исполнение. Этот факт снова не соотносится с предшествующими источниками, в которых один из убийц князя был назван по имени, и имя было русским, с пренебрежительным суффиксом — Романец. Для составителей пространной редакции жития и летописных житий и погодных записей было очевидным, что конфликт Михаила Тверского не уместается в двустороннее противостояние (князь и хан, Русь и Орда), так как важную роль в случившемся играли и Юрий Данилович Московский как князь и Москва как княжество, постепенно выходящее на политическую арену и занимающее важное место в борьбе за власть.

Абсолютно очевидно, что составители Устюжской летописи (список Мациевича и Архангелогородский летописец) односторонне, предельно кратко воспроизвели ситуацию гибели Михаила Ярославича в Орде, упростив конфликт и полностью сняв все обвинения (даже и косвенные) с московского князя. Смерть тверского князя становится результатом его неповиновения власти «царя» Узбека. А неповиновение хану карается смертью.

Пренебрежение к общеизвестным фактам и умаление достоинств Михаила Ярославича Тверского характерно и для Вологодской летописи, в которой нашли отражение события жизни тверского князя, но не нашлось места для рассказа о его гибели. В летописи кратко сообщается о конфликте с новгородцами («Задеришася наугоротцы со князем Михайлом Ярославичем Тверским и паки умиришася» [4, с. 151] — данное событие произошло на следующий год после сообщения о рождении Михаила, поэтому очевидно, что сам Михаил в конфликте не участвовал), и о двух съездах. Михаил Тверской упомянут как участник съезда князей, а не самостоятельно действующий князь и политик, причем вместе с его именем всегда фигурирует имя московских князей: «Того же лета съезд был всем князем в Володимере: князь великий Андрей, князь Феодор, князь Костянътин Ярославский; и противу стаха их великий князь Данило Московский, князь великий Михайло Тверский» [4, с. 151] и «Того же лета съехашеся вси князи в Переславль, Михайло Ярославичъ Тверский да Юрей Даниловичъ Московский, и смиришася, князю Юрю достася Переславль»

[4, с. 151]. Если в первом случае Михаил Ярославич — союзник московского князя Даниила, оба они (наряду с Андреем Городецким) названы великими князьями, то во втором сообщении очевидно, что во взаимоотношениях Москвы и Твери наметились изменения: князь Юрий конфликтует с Михаилом за территории и за влияние. Имя тверского князя появится лишь один раз в сообщении за 1304 г., где сказано, что Михаил Ярославич «поиде во Орду», о результате поездки не написано ни слова. После этого краткого сообщения имя тверского князя навсегда исчезает из летописи, хотя до его гибели остается еще четырнадцать лет, и именно эта поездка принесла ему ярлык на великое княжение. Более того, сообщение о поездке в Орду предваряет новость о смерти Андрея Городецкого, после которой Михаил Тверской мог по правилам престолонаследия обрести великое княжение. По летописи получается, что Михаил уехал в Орду еще до того, как имел возможность получить ярлык.

Интересно, что имя тверского князя со страниц летописи исчезает, но Тверь упоминается еще один раз: «Приидоша наугородцы ратью ко Твери, а с ними князь Юрей Данилович Московский» [4, с. 152]. Составители не называют ни участников, ни результата конфликта, даже не указывают имя оппонента московского князя, судьба которого, видимо, уже не вызывает никакого интереса.

Летописная статья о смерти Михаила Тверского имела, наряду с житием, огромное значение, так как именно мученическая кончина стала основанием для канонизации князя в чине благоверного, состоявшейся в 1549 г. на втором Макарьевском соборе в Москве. (Интерес к личности тверского князя, несомненно, вырос к середине XVI в. в связи с его канонизацией, до этого он почитался как местночтимый святой.) Житие Михаила Ярославича Тверского вошло в состав Великих Миней Четых (22 ноября). Но сведения Устюжской летописи не просто не показывают Михаила Тверского в ореоле святого, но, наоборот, представляют его князем, справедливо понесшим наказание. Сама статья будто объясняет, что смерть князя стала наказанием за его грехи, за совершенные им злодеяния. Вполне возможно, что во время работы составителей Михаил Ярославич не был официально признан святым, а потому считался главным (проигравшим борьбу) оппонентом московского князя. Юрий Данилович же стал первым из московских князей, сумевшим получить великое княжение влади-

мирское, что создало прецедент, который давал основания потомкам Даниила Московского впоследствии претендовать на владимирский стол.

В сцене суда над Михаилом Ярославичем (в житии, московском и тверском летописании) были отражены важные аспекты судебного процесса Золотой Орды, хотя, очевидно, ни агиограф, ни составители летописей не ставили перед собой задачу воспроизвести реальный процесс. Однако в Устюжской летописи все характерные особенности (вызов и приезд князя, само разбирательство, поведение судей, обвинителя, свидетелей, представление обвинений и появление их опровержений разными способами, вступление приговора в силу, эпизод с мертвым телом, см. подробнее: [3]), дающие не столько важный литературный, сколько исторический материал, утрачиваются. Очевидно, что вся история с ордынским нашествием остается на периферии интересов составителей, потому что эти события воспринимаются как оставшиеся в прошлом, не затронувшие напрямую далекие северо-восточные земли.

Все герои летописной статьи за 1318 г. не охарактеризованы автором прямо, посредством эпитетов, эмоционально-оценочной лексики, зато каждому из персонажей отведена определенная роль: московский князь — пожалованный ханом русский князь, против него не выдвигаются никакие обвинения; тверской князь признает вину добровольно, потому наказан за свои «преступления», хан Узбек — царь, судья, отдает приказ наказать виновного. В этой системе координат не остается места для святости Михаила Ярославича, что не отрицалось ни в одном летописном своде. При этом в Устюжских летописях особое внимание уделяется истории местного святого, бывшего ордынца Буги, принявшего православную веру. Местное, близкое и доступное оказывается рассмотренным детальнее, нежели чем далекое противостояние московского и тверского князей, роль которого остается для местной северной летописи менее значительной.

2. «убиша во Орде князя Дмитрея Михайловича на реце Кордакъле»

Следующий важный эпизод московско-тверского противостояния, нашедший отражение в русском летописании, — это гибель Юрия Даниловича Московского от рук сына тверского князя Дмит-

рия Михайловича Грозные Очи, рассматриваемая как акт мести за отца. После 1318 г. ярлык на великое княжение Владимирское несколько раз переходит из рук тверских князей в руки московских: от Михаила Тверского к Юрию Московскому, затем возвращается к Дмитрию Михайловичу, переходит его брату — Александру Михайловичу Тверскому, позже будет утерян тверскими князьями и закрепится за московскими — Иваном Калитой и его сыновьями.

События, имевшие место в Орде в 1325–1326 гг. (убийство Юрия Московского и гибель Дмитрия Михайловича), имеют важное и во многом решающее значение в истории противостояния Москвы и Твери. Однако Устюжская летопись снова предлагает свою, отличную от официальной, а потому оригинальную версию. В списке Мациевича имя Юрия Даниловича не появляется после статьи за 1317 г.; когда речь идет о московском князе, это будет Иван Данилович (Калита). Именно о нем сказано, что он «прииде из Орды <...>, а с ним посол Ахмыл погыныи» [4, с. 17], о возвращении в Москву Юрия с ярлыком на великое княжение и телом убитого Михаила Тверского не сообщается. Зато однажды будет упомянут тверской князь Дмитрий: «Того же лета прииде князь Дмитрей Михайлович на великое княжение в Володимир и Москву» [4, с. 17]. Но абсолютно очевидно, что Дмитрий Грозные Очи был Тверским и Владимирским князем в период с 1322 г. и до своей гибели в 1326 г. и не мог быть князем Московским. Для составителей Устюжской летописи Владимирское и Московское княжество, очевидно, существуют как единое целое, т. е. великое княжение. Москва осознается как преемница Владимира, как центр русских земель.

В Архангелогородском летописце сообщения о смерти Юрия и Дмитрия появляются, хотя никаких подробностей не сообщается: «Преставися во Орде князь Юрь Данилович» [4, с. 57]; «Того же лета убиша во Орде князя Дмитрея Михайловича на реце Кордакъле» [4, с. 58]. Две смерти представлены как совершенно самостоятельные, не связанные друг с другом.

Однако абсолютно удивительную историю предлагает Вологодская летопись. Теперь уже на ее страницах перепутаны имена героев и события. Под 6833 (1325) г. читаем: «Того же лета убиен бысть князь Дмитрей, сын великаго князя Юрья Даниловича Московскаго, в Орде, и привезоша его на Москву» [4, с. 152] (из Орды в Москву вез-

ли мертвое тело Михаила Тверского). А в следующей погодной статье сказано: «Того же лета убий царь в Орде за великаго князя Юрья Даниловича Московскаго князь Димитрея Михайловича Тверскаго» [4, с. 152]. События, о которых здесь идет речь, хорошо известны: Дмитрий Михайлович Грозные Очи убил в Орде (без ханского ведома) Юрия Даниловича, за что был казнен (как нарушивший закон Орды). Но в Вологодской летописи это известие получает «вторую» жизнь и распадается на два сюжета: якобы в Орде (еще до смерти Юрия Даниловича) был убит его сын Дмитрий. Как известно из источников, у московского князя не было сыновей, а его дочь стала женой одного из сыновей Михаила Тверского — Константина. То есть в то время, в которое якобы был убит Дмитрий, сын Юрия, был убит сам Юрий, именно его тело было отправлено в Москву, что абсолютно логично. После этого был казнен Дмитрий Грозные Очи.

Интересно, что в летописных сообщениях Юрия сопровождает титулатура «великий», отсутствующая при упоминании имени реального владельца ярлыка в то время — Дмитрия. Повторяемая несколько раз, она выделяет московского князя как главного персонажа, судьба же Дмитрия Михайловича остается неопределенной и непонятной с утратой важной логической связи.

Следует обратить внимание и на синтаксическую конструкцию, используемую для рассказа о гибели: типичная обезличенная конструкция «убиен бысть» в рассказе о «сыне» Юрия и «убий царь» для сообщения о смерти сына Михаила Тверского. Подчеркивается, что это прямое и непосредственное решение и повеление хана, соответственно, виновность Дмитрия Грозные Очи не вызывала никакого сомнения. Действительно, самоуправство тверского князя в ханской ставке рассматривалось как оскорбление величества [2, с. 127] и потому заслуживало смертной казни.

3. «и бысть тишина велия по всей земли Руской»

Основным героем следующих после гибели Юрия Даниловича и Дмитрия Грозные Очи событий, бесспорно, становится московский князь Иван Данилович Калита, события жизни которого фиксируются в Устюжской летописи: наряду с событиями личной жизни князя это краткие справки о том, как украшался вверенный ему город,

сколько полезного и нужного сделал князь для Москвы. Так постепенно отодвигается в тень фигура его оппонента — тверского князя Александра Михайловича. Что же касается другого сына Михаила Тверского, Константина, который также в это время был удельным тверским князем, то на страницах Устюжской летописи он не упомянут ни разу — его фигура не считалась сколь-нибудь важной или значимой.

Иван Данилович на страницах Устюжской летописи предстает в разных ролях: прежде всего он верный ордынский подданный, также это строитель и благоуказатель вверенного ему Московского княжества, отец следующего великого князя Симеона (Гордого).

В нескольких погодных записях сообщается о прямом взаимодействии московского князя с ордынскими ратями. Хотя составители в данной статье не делают акцент на том, какой была роль Ивана Даниловича в решении внутренних конфликтов, неизменным остается его участие в произошедшем: «В лето 6830. Прииде из Орды князь Иван Данилович, а с ним посол Ахмыл поганьи. И много христиан посекоша, а иных в полон поведоша, а град Ярославль сожже» [4, с. 17]. (В Вологодском летописце еще более кратко и безоценочно: «Князь Иван Данилович из Орды прииде» [4, с. 152].) Очевидно, что основной конфликт происходит между «поганями» и христианами, но результат похода страшен и жесток — сожжение города и истребление людей.

Другой поход, о котором упоминают составители, состоялся после гибели Шевкала (Чолхана) в Твери, очевидно, с целью устрашения взбунтовавшихся: «Тое же зимы на Русь преиде рать тотарская: пять князей темных, а с ними воевода Федорчюк, да князь Иван Данилович, да Иван Александровичь» [4, с. 17]. Отсутствие прямых оценочных определений в отношении московского князя наблюдается и в следующем сообщении, напрямую касающемся тверского княжества: через два года Иван Данилович «прииде из Орды на Тверь и плени Тверь» [4, с. 17]. Это уже, в отличие от предыдущих, единоличное (без прямой поддержки ордынцев, но с их явного ведома и согласия) нападение на Тверь, удельное княжество противника.

Именно после этого сообщения в Устюжской летописи появится прямая оценка и характеристика правления Ивана Калиты: получение им ярлыка приносит благоденствие Русской земле («и бысть

тишина веляя по всей земли Руской» [4, с. 17]). В Вологодской летописи несколько иначе: «...и бысть тишина веляя по всей земли Московския державы» [4, с. 172], т. е. Москва представлена центром русских земель (значит, по мысли составителей, московские князья одержали победу в споре о том, какое княжество объединит вокруг себя русские земли). Усмиренные тверичи больше не имели возможности проявлять недовольство и претендовать на первенство, так как Александр Михайлович Тверской с появлением отряда ордынцев и Ивана Даниловича «бежа во Псков». Так Московское княжество постепенно начинает осознаваться как могучее, великое, сильное, а московский князь — как восстановитель порядка и как князь, пекущийся о своем княжестве.

Александр Михайлович Тверской мало интересен составителям летописи как князь, поэтому упоминается в тексте лишь дважды: первый раз — когда бежит, спасаясь от высланного ханом отряда (даже его имя в летописи указано неверно, не Александр Михайлович, но Иван Михайлович), во второй раз — в год гибели в Орде в 1339 г. Более того, в двух редакциях Устюжской летописи есть существенное расхождение. В списке Мациевича речь идет лишь о поездке Александра Михайловича с сыном Феодором в Орду, а в Архангелогородском летописце сообщается об их гибели (без указания причин и подробностей), в то время как смерти Ивана Даниловича, хоть это и краткая запись, посвящена отдельная летописная статья: названы год, место захоронения и преемник на великокняжеском и московском престоле. То есть роль Александра Михайловича в летописи детерминирована: это князь, покинувший престол и вынужденный искать убежища в другом княжестве, он изначально представлен как проигравший и побежденный.

Иван Данилович, как было сказано ранее, предстает не только в ипостаси князя-воина, но и князя-благоустроителя; в Устюжской летописи четыре раза появляются сообщения о строительстве им церквей: были заложены каменная церковь Успения пресвятой Богородицы, Ивана Лествичника «под колоколы да Петр святыи и Спас Преображения на великого князя дворе» [4, с. 17], собор святого архангела Михаила. Это прежде всего объясняется тем, что во время правления Ивана Калиты митрополит Пётр сделал Москву своей резиденцией.

4. «А те все князи своими польки служат великому князю Дмитрью Ивановичю»

Последней страницей в противостоянии Москвы и Твери являются притязания на великий престол Александра Михайловича Тверского. Представитель тверской княжеской династии появляется на страницах Устюжской летописи после почти тридцатилетнего молчания и так же незаметно уходит (о его смерти не упомянуто). Он представлен исключительно как оппонент Дмитрия Ивановича («великого» князя), который сеет вражду, приводит отряды литовцев на Русь, разоряет города, стремится заполучить великое княжение любой ценой, но оказывается в проигрыше: его притязания не поддерживают ни ордынцы, ни население русских городов и княжеств.

Первое упоминание об Александре Михайловиче — рассказ о неудачном противостоянии с Дмитрием Ивановичем: «Того же лета князь великий Димитрий Иванович ходил ко Твери и отиде. А князь Михаило Александрович Тверской в Литву збежал» [4, с. 19]. Получается, что великий князь ведет себя благородно, отходит от осажденного города, но тверской князь принимает решение покинуть родной город. В Устюжской летописи нет никаких пояснений, но его отъезд понятен, так как тверской князь ищет поддержки у мужа своей сестры Ольгерда.

Следующее событие тоже никак не мотивировано в летописи: в летописной статье за 6879 (1371) г. рассказывается, что Михаил Александрович покинул пределы Орды с ярлыком «на великое княжение Московское», но захотел «сести в Володимере». Возможно, Владимир продолжает осознаваться у тверского князя с престольным городом, так как он не признает окончательной победы московских князей. Но, как подчеркивают составители летописи, его не принимают в качестве князя. В Архангелогородском летописце дается пояснение: «не приняша князи и бояре, а ркучи так: “Выльгал еси великое княжение”» [4, с. 60]. Абсолютно понятно, что его ярлык не признается легитимным, а его дальнейшие попытки изменить ситуацию не вызовут согласия. Именно это толкает тверского князя на завоевание и разорение других городов: Костромы, Мологи и Углича.

Через год Михаил Александрович не оставляет попыток укрепить свою власть на Руси, а потому ищет помощь у союзников: «Того же лета князь Михаило Александрович Тверьской приведе князеи ли-

товских втаи со многими силами: князя Кестутья, князя Андрея Полоцкого, князя Дмитрея Вручскаго, князя Витофта Кестутъевича и ины многи князи и с ними ляхи, и жомоть, и жольныряне, и поидоша к Переславлю, посады пожгоша, а боляр, людеи множество в полон повели» [4, с. 19]. При описании противостояния Михаила Александровича Тверского и московского князя составители очень скрупулезно перечисляют участников похода, а также фиксируют внимание на последствиях и потерях. Показано, что, даже имея множество союзников и иноземной силы, тверской князь не в состоянии заполучить желаемый великий стол, его войско повержено: «И переславъцы литвы побиша, и множество в реце в Трубеже потонуло» [4, с. 19]. Летописцем это сражение осознается как сражение русских и литвы, но не московского князя с тверским. В Архангелогородском летописце особое внимание уделено последствиям битвы, что не представляет Михаила Александровича, инициатора случившегося, в хорошем свете: «И поидоша к Переаславлю, посады пожгоша, а бояр и людеи множество в полон повели. А переславцы множество литвы изъсекоша, а иные в Трубежи истопоша, а иных в город Переславль ухватиша. Город Дмитров взяли, у Кашина посады пожгли, откуп з города взяли; а князя Василья Кашинского Тверской в свою волю привел, а в Торшку свои наместники посажал, а город емлючи Торжек, много людеи изгубили. И бысть велика пагуба християном: наметаша людеи жженных 5 скудельниц» [4, с. 60]. Он не назван по имени-отчеству, а только Тверской (по вотчине), что показывает отношение составителей к его действиям: князь воюет на Русской земле и сеет гибель вокруг себя. При этом в сфере его интересов оказывается не Московское княжество, не великий стол, но небольшие города, с которыми можно проще и быстрее справиться. Составители подробно говорят о жертвах среди мирного населения, чем подчеркивает жестокость действий князя. В Архангелогородском летописце ответственность за произошедшее возлагается именно на тверского князя.

Эту мысль подтверждает начало следующей летописной статьи: «Князь Олгирд Литовский собра воя многи, а с ними в думе князь Михаило Тверской, и поидоша к Москве» [4, с. 19]. На первый план выходит союзник тверского князя, литовский князь, который осаждает Москву, но никаких прав на престол не имеет, соответственно, вторгается в чужую землю с захватническими целями. Фигура Ми-

хаила Александровича остается в тени, так как Дмитрий Иванович выступает против литовского войска: «Слышав же князь великий Димитрей Ивановичь, собрав воя многи и поидоша с Москвы против Олгирда...» [4, с. 19]. Далее текст погодной записи начинает напоминать краткую воинскую повесть информативного типа, в которой перечислены военные действия (разгром сторожевых полков Ольгерда, встреча войск у Любутска и в результате заключение Любутского мира). Летописец объясняет отсутствие жертв природными условиями: «...прилучись меж ими враг глубок, крут вельми, нельзя на бои полком, ступись» [4, с. 19]. Подчеркивается, что это было долгое противостояние, но инициатором мирного договора стал Ольгерд, о Михаиле Александровиче Тверском не сказано ни слова.

Решающей страницей в противостоянии Михаила Тверского и Дмитрия Ивановича Московского, а соответственно, и в противостоянии Москвы и Твери (хотя речь идет скорее не о противостоянии городов, княжеств, князей, а о попытках тверского князя укрепиться на великом княжении) будет воинская повесть, помещенная в летописной статье за 6883 (1375) г. Это самая длинная из всех летописных статей, рассмотренных ранее, а потому — с большим количеством деталей и подробностей.

Михаил Александрович — инициатор новой битвы и разжигатель вражды, так как именно от него исходит инициатива — он отправляет «разметное» посольство в Москву, желая нарушить мир, в то же время отсылает в Торжок своего наместника, а в Углич — рать. Но ответ на его действия удивителен и принимает колоссальные масштабы: Дмитрий Иванович сумел сплотить вокруг себя почти всех князей северо-восточных княжеств, в тексте они названы по имени, их девятнадцать: «А те все князи своими польки служат великому князю Дмитрью Ивановичю» [4, с. 61]. Симпатии князей на стороне общепризнанного главы древнерусского государства, московского князя, а потому все попытки изменить ситуацию окажутся тщетными. Длинное перечисление союзников необходимо для того, чтобы показать, что именно Москва сплотила вокруг себя основные силы.

Точность повествованию придают зафиксированные даты (в списке Мациевича указаны две даты, в Архангелогородском летописце — пять дат). Фиксируется ход битвы: сначала осада Твери и поджог посадов, а уже позже присоединение к битве новгородцев. Летописец поясняет

ет этот поступок — мотивы новгородцев ясны (но, исходя из кратких сведений Устюжской летописи, никак не мотивированы, потому что о противостоянии тверских князей с новгородцами не было сказано): «...творяше за свою старую обиду» [4, с. 20]. Это месть за желание тверских князей подчинить себе Новгород и укрепиться на Новгородском престоле. Но есть и другая причина — «по великого князя слову», они признают власть московского князя и готовы сражаться против тверского. В этом идейное поражение Твери как княжества вне зависимости от результата боя (хотя он очевиден и предreshен), большинство князей Руси поддерживают московского князя.

Составители Устюжской летописи разделяют князя и его подданных, а потому противопоставляют трусости Михаила Тверского, который «затворился в городе» [4, с. 20], смелость и отвагу тверских воинов, отдают должное их стойкости и мужеству: «И тверичи угасиша и туры разсекоша, а сами бишась довольно» [4, с. 20].

Среди результатов битвы названы гибель Семена Брянского, разорение Твери («и землю всю пугу доспел» [4, с. 20]), так как осада длилась месяц и войска «на всякий день бишась» [4, с. 20]. Летописец дает прямую оценку поступку Михаила Александровича: оставшийся без поддержки русских князей, он ждет помощи литовцев и татар, этим «много себе зла учинил» [4, с. 20]. Не получив желаемого, т. е. в этот раз не дождавшись подмоги и поддержки, Михаил Александрович решает просить о мире. Мотивы тверского и московского князей, желающих мира, разные: тверской понимает, что проигрывает борьбу («виде свое изнеможение» [4, с. 61]), поэтому хочет спастись, не видит для себя иного варианта, а московский действует из альтруистических целей, «не хотя кровопролития и разорения граду» [4, с. 20]. При этом Михаил Александрович не сам отправляется к удачливому сопернику, но посылает владыку Евфимия и бояр «бити челом великому князю» [4, с. 20].

Во всех летописных статьях, где фигурирует тверской князь, его определяющими качествами становятся гордыня и неуступчивость, стремление заполучить великое княжение любой ценой. Дмитрий Иванович — его прямой антипод, он ведет себя как «великий»: собирает вокруг себя других князей, проявляет миролюбие, так как завершение кровопролития происходит по его внутреннему желанию («по всем своеи воли, как хотел» [4, с. 20]).

Очевидно, что образ Дмитрия Ивановича более многогранно и ярко раскрывается не в борьбе с тверским князем, но в противостоянии ордынцам, чему посвящены длинные и подробные летописные статьи за 6888 (1380) и 6890 (1382) гг. В рассматриваемом же контексте Дмитрий Иванович — князь-объединитель, действующий открыто и честно, ищущий и находящий поддержку среди русских князей, человек миролюбивый и негордый. Он одерживает верх над своим оппонентом и на поле боя и в нравственном смысле.

Мы не можем с высокой долей уверенности утверждать, что для Устюжской летописи тема взаимоотношений двух княжеств (Москвы и Твери) и их удельных князей была основной или доминирующей при отборе событий и их воссоздании на протяжении XIV в. Однако уже то, что составители выбирают сюжет о гибели Михаила Ярославича Тверского в Орде и смотрят на происходящее с иной позиции, говорит о многом. Летописная статья за 1317 (1318) г. должна служить отправной точкой для обозначения приоритетов: Михаил Ярославич — не святой, но преступник, казненный в Орде по приказу хана, он нарушает не только законы Орды, но и общехристианские законы, а потому не имеет права претендовать на великий стол. Московские же князья (среди них особо выделяется Иван Калита и Дмитрий Донской), не уличенные ни в чем противозаконном, уже своими делами, поступками достойны высшей похвалы и чести.

Желание представить московских князей с хорошей стороны и умолчать о добродетелях тверских, выставив их реже в нейтральном, а чаще в негативном свете, и дает возможность говорить о теме противостояния Москвы и Твери в борьбе за престол и за власть.

С каждым новым этапом противостояния тверские князья сходят с политической сцены (трое гибнут в Орде, последний же лишается поддержки русских князей, потому вынужден прибегать к помощи литовцев и ордынцев). Авторитет тверских князей поставлен под вопрос: Михаил Тверской предстает преступником, вина которого очевидна и доказана; Дмитрий Михайлович быстро сходит с политической арены; Александр Михайлович дискредитирует себя бегством после бунта в Твери; а Михаил Александрович — своим неумным желанием любой ценой занять великий стол, в том числе привлекая

литовцев для решения своих корыстных целей и сея кровопролитие на Русской земле.

Московские князья постепенно укрепляют свой авторитет и облагораживают княжество. Отношение к ним составителей летописи меняется: от нейтрального к Юрию Московскому, в большей степени положительному к Ивану Даниловичу до однозначно положительно-го к Дмитрию Ивановичу (именно ему удастся сплотить вокруг себе древнерусских князей, что и является итогом борьбы за великое княжение).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. С. 232–237.
- 2 Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
- 3 Почекаев Р.Ю. Суд над благоверным князем Михаилом Тверским в 1318 г.: процессуальные аспекты // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10). С 92–102. DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10029

Источники

- 4 Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII в. / ПСРЛ. М.: [Книга по тредованию], 2013. Т. 37. 196 с.
- 5 Летописный сборник, именуемый Патриаршей Никоновской летописью / ПСРЛ. М.: Языки славянских культур, 2000. Т. 10. 248 с.

REFERENCES

- 1 Litvina, A.F., and F.B. Uspenskii. *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv. Dina-sticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [Name Choice of the Russian Princes in the 10th–16th Centuries. Dynastic History through the Lens of Anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 232–237. (In Russian)
- 2 Pochekaev, R.Iu. *Pravo Zolotoi Ordy* [Laws of the Golden Horde]. Kazan', "Fen" AN RT Publ., 2009. 260 p. (In Russian)
- 3 Pochekaev, R.Iu. "Sud nad blagovernym kniazem Mikhailom Tverskim v 1318 g.: protsessual'nye aspekty" ["Trial of the Blessed Prince Mikhail of Tver in 1318: Procedural Aspects"]. *Paleorosiia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh* [Paleorosiia. Old Russia: in Time, in Personalities, in Ideas], no. 2 (10), 2018, pp. 92–102. (In Russian)

Информация об авторе: Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Information about the author: Ekaterina A. Andreeva, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8829-3084>

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Для цитирования: Андреева Е.А. Противостояние Москвы и Твери на страницах Устюжской летописи: оригинальный взгляд на известные события // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 385–406. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-385-406>

© 2023, Е.А. Андреева

For citation: Andreeva E.A. “Confrontation between Moscow and Tver in Ustyuzha Chronicle: an Original Look at Famous Events.” *Germevntika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 385–406. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-385-406>

© 2023, Ekaterina A. Andreeva